

Монтескье Ш.Л.

О существе законов

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М77

Монтескье Ш.Л.
М77 О существе законов: Часть 1 / Монтескье Ш.Л. – М.: Книга по Требованию, 2013. – 358 с.

ISBN 978-5-458-10666-5

Творение Монтескье. Перевод с французского Дмитрий Языков, член С.-Петербургских обществ: Филантропического и любителей наук, Словесности и Художеств. Издал Василий Сопиков. Москва : 1809.

ISBN 978-5-458-10666-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Естьли бы въ безчисленномъ множествѣ вещей, находящихся въ сей книгѣ, случилась такая, которая, сверхъ чаянія моего, могла бы оскорбить кого, то по крайней мѣрѣ нѣтъ ни одной, которую написалъ бы я съ дурнымъ намѣреніемъ. Я отъ природы не склоненъ къ порицанію. Платонъ благодарилъ Провидѣніе, что онъ родился при Сократѣ; а я благодарю его за то, что оно произвело меня на свѣтъ въ правленіи, въ которомъ я живу, и за то, что оно хотѣло, чтобы я повиновался тѣмъ, которыхъ оно заставило меня любить.

Я прошу объ одной милости, въ которой боюсь, чтобы мнѣ не отказали, а именно, не судить по минушному чтенію о шрудѣ двадцати-лѣтнемъ: надобно одобрить, или осудить цѣлую книгу, а не нѣкоторые слова. Естьли хотятъ узнать намѣреніе сочинителя, то не лзя его иначе узнать хорошо, какъ въ начертаніи сочиненія.

Я разсмотрѣлъ сначала людей, и мнѣ показалось, что въ этомъ безчисленномъ разнообразіи законовъ и нравовъ, они управляются не одними своими прихотями.

Я положилъ начала, и увидѣлъ, что частные случаи подходили подъ нихъ,

IV

какъ будто сами собою, что исторіи всѣхъ народовъ составляютъ только слѣдствія оныхъ, и что каждый часпный законъ связанъ съ другимъ закономъ, или зависить отъ другаго болѣе общаго.

Обращаясь къ древности, я старался искать духъ оныя, дабы случаи, дѣйствительно различные, не почестъ подобными, и не пропустишь различія шѣхъ, которые кажутся подобными.

Я не заимствовалъ своихъ началъ отъ своихъ предразсудковъ, но отъ свойства вещей.

Здѣсь многія истины будутъ ощупительны не иначе, какъ осмотрѣвъ всю цѣпь, связующую ихъ съ другими. Чѣмъ болѣе будешь размышлять о подробностяхъ, шѣмъ болѣе почувствуешь точность началъ. И сіи самыя обстоятельства не всѣ мною представлены; ибо кто можетъ высказать все безъ смертельной скуки.

Здѣсь не найдуть шѣхъ острыхъ словъ, которыми, важешся, ошличаются нынѣшнія шворенія. Разсмотря вещи повнимательнѣе, остроша исчезаетъ; она обыкновенно редишя отъ того, что умъ кидаетъ весь въ одну сторону, ославяя все прочее.

Я пишу не для того, чтобы хулить учрежденное въ какой бы то ни было землѣ. Каждый народъ найдетъ здѣсь причины своихъ правилъ; а изъ сего естественнымъ образомъ выдетъ то слѣдствіе, что предлагать о перемѣнахъ могутъ только тѣ, которые родились такъ счастливо, что однимъ взоромъ генія проникаютъ всю конституцію державы.

Не лзя сказать, чтобы не было пользы въ просвѣщеніи народа. Предразсудки народоправителей начались бышь предразсудками народа. Во время невѣжества, не имѣютъ ни малѣйшаго сомнѣнія ни въ чемъ, даже и тогда, когда производятъ величайшее зло; во время просвѣщенія, шрепещутъ еще и тогда, когда производятъ величайшее добро. Чувствуютъ старый вредъ, видятъ лекарство оиъ него; но видятъ также и вредъ самаго лекарства. Оставляютъ зло, естли боятся худшаго; оставляютъ добро, естли сомнѣваются въ лучшемъ. На части зриаю для того только, чтобы судить о цѣломъ; разсматриваютъ всѣ причины, чтобы видѣть всѣ слѣдствія.

Естли бы я могъ сдѣлать то, чтобы всѣ люди имѣли новыя причины любить свой долъ, своего государя, свое отече-

VI

ство, свои законы; чтобы могли лучше чувствовать свое блаженство въ каждой землѣ, въ каждомъ правленіи, въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ кто находишься; тогда я почелъ бы себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Если бы я могъ сдѣлать то, чтобы повелители умножили свои познанія о томъ, что они должны предписывать, а повинующіеся находили новое удовольствіе въ повиновеніи, тогда я почелъ бы себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Я почелъ бы себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, если бы могъ сдѣлать, чтобы люди оставили свои предразсудки. Я называю здѣсь предразсудками не то, чтобы не знать нѣкоторыхъ вещей, но то, чтобы не знать самаго себя.

Стараясь о просвѣщеніи людей, можно только исполнять ту общую добродѣтель, которая заключаетъ въ себѣ любовь всѣхъ. Человѣкъ, это гибкое существо, принимая въ обществѣ мысли и впечатлѣнія другихъ, равно способенъ познавать собственную свою природу, когда ему показываютъ, и теряеть даже чувствіе объ оной, еслили отъ него ее скрываютъ.

Нѣсколько разъ принимался я за это сочиненіе, и нѣсколько разъ бросалъ его;

нѣсколько разъ бросалъ я на вѣтеръ (а) листы, мною писанные; каждый день чувствовалъ, что опускались руки родительскія (б); я слѣдовалъ моей цѣли, не составляя начертанія; не зналъ ни правилъ, ни исключеній; опыскивалъ испинну для того только, чтобы потерять ее: но нашедъ свои начала, увидѣлъ я, что все опыскиваемое мною пришло ко мнѣ; и въ печеніе двадцати лѣтъ, видѣлъ я, что сочиненіе мое началось, возрасало и кончилось.

Если это сочиненіе получитъ успѣхъ, то за это много обязанъ я буду величію моего предмета: однакоже не думаю, чтобы я совсѣмъ не имѣлъ дарованія. Увидѣвъ написанное до меня столько многими великими людьми во Франціи, Англіи и Германіи, я пораженъ былъ удивленіемъ; но не потерялъ духа: *и я также живописецъ* (в), сказалъ я съ Корреджіемъ:

(а) Ludibria ventis.

(б) Bis patriæ cecidere manus.

(в) Ed io anchor son pittore.

К Р А Т К О Е И З В Ъ С Т И Е
о жизни Г. Монтескье.

Шарль де Секондашъ, баронъ Бредский и Монтескье, старшій президентъ à Мортье (*) въ парламентѣ Бурдосскомъ, членъ Французской академіи, королевской Прусской академіи наукъ и словесности, и королевскаго Лондонскаго ученаго общества, родился въ замкѣ Бредскомъ, близъ Бурда, 18 Января 1689. Онъ происходилъ отъ одного благороднаго рода изъ Гіенны. Отецъ его, бывший также президентомъ à Мортье въ томъ же парламентѣ, имѣлъ многихъ дѣтей.

Шарль де Секондашъ, очень рано началъ показывать то, чѣмъ онъ долженъ быть, и отецъ его употребилъ всѣ средства къ образованію ума его. На двадцатомъ году, юный Монтескье приготовлялъ уже припасы для *Существа Законовъ*, дѣлая обстоятельныя выписки изъ многочисленныхъ книгъ, составляющихъ собраніе права гражданскаго. Но наука правовѣденія, столь сухая для многихъ, но не для Монтескье, потому что онъ

(*) à Мортье, такъ назывались въ старинныхъ Французскихъ парламентахъ нѣкогда президенты, по круглой, черной бархатной шапкѣ, обложенной сверху широкимъ золотымъ галуномъ, кофору ю они носили,

занимался ею какъ философъ, недостаточно была для обширности и дѣятельности его генія: розыскивалъ въ то же время вещи гораздо важнѣйшія и труднѣйшія (*), и размышлялъ о нихъ въ безмолвіи съ мудросцію, приспосойностію и справедливостію, которыя послѣ видны были въ его сочиненіяхъ.

Дядя его съ опцовской стороны, президентъ à Моршье, въ парламентѣ Бурдосскомъ, лишасть единокроднаго своего сына, оставилъ Г. Монтескье и имѣніе и чинъ свой,

3 Апрѣля 1716 принятъ онъ былъ членомъ Бурдосской академіи, которая только что основалась. Вкусъ къ музыкѣ и сочиненіямъ, только что пріятнымъ, были сначала причиною основанія оной. Монтескье основательно думалъ, что возражающееся реніе и дарованія его сочленовъ, могли бы, съ гораздо большею выгодною, занимать физическими предметами. Онъ былъ увѣренъ, что природа, столь достойная бытъ наблюдаемою повсюду, находила также вездѣ глаза, достойныя взирать на нее; напрошивъ чего, сочиненія, относящіяся

(*) Сочиненіе въ письмахъ, которыми онъ доказывалъ, что многіе идолопоклонники, казалося, не заслуживали вѣчнаго осужденія.

Х

единственно ко вкусу, не терпя посредственности, а столица, будучи въ этомъ родѣ, средоточіемъ просвѣщенія и вспомоществованія, очень трудно было собрать, въ отдаленіи отъ нее, достаточное число отличныхъ талантовъ. Но счастію, герцогъ Форскій, основавъ въ Бурдо награжденія за рѣшеніе задачъ, способствовалъ споль основательному и благоразумному намѣренію. Разсудили, что хорошо произведенный опытъ будеть гораздо лучше слабого разсужденія или дурной поэмы; и городъ Бурдо получилъ академію наукъ.

Моншескье, ни мало не смѣша показываясь свѣшу, казалось, ожидалъ, какъ говоритъ одинъ великаго ума человекъ, зрѣлыхъ лѣтъ, чшобы писать. Не прежде 1721 г., шо есть, имѣя тридцать два года отъ роду, издалъ онъ *Персидскія письма* (*). Не смотря на успѣхъ, полученный симъ сочиненіемъ, Моншескье не объявилъ себя явно шворцемъ онаго. Можетъ быть, симъ способомъ, думалъ онъ легче избѣжать отъ сатиры, которая щадитъ болѣе безвизимныя сочиненія, пошому что нападаеть всегда на шворца, а не на швореніе. Можетъ

(*). Переведены на Россійскій языкъ два раза и напечатаны въ Спб.

быть также боялся онъ, что нападуть на мнимую противоположность Персидскихъ писемъ съ важностію его званія. Какъ бы то ни было, но тайна его была открыта, и публика назначала уже его членомъ Французской академіи, и не смотря на клевету, спаравшуюся очернить Персидскія письма, онъ принялъ былъ 24 Генваря, 1728.

Новый академикъ былъ тѣмъ достойнѣе сего названія, что за нѣсколько времени до сего отказался онъ отъ всякаго другаго дѣла, члобы совершенно предаться любимому своему упражненію. Какъ ни важно было занимаемое имъ мѣсто, и съ какимъ бы познаніемъ и праводушіемъ ни исполнялъ онъ должности онаго, онъ чувствовалъ, что были предметы достойнѣйшіе его занятія; что гражданинъ обязанъ своему народу и человечеству всемъ тѣмъ добромъ, которое онъ сдѣлать въ состояніи, и что онъ будетъ гораздо полезнѣе для того и другаго, еслии будетъ наставлять ихъ своими сочиненіями, нежели разбирая въ неизвѣстности какую-нибудь частную плямбу. Все это заставило его предать свой чинъ; онъ пересталъ быть судьей и посвятилъ себя единственно наукамъ.

Но члобы сочиненіями своими доставить пользу различнымъ народамъ, ему

надобно было знать ихъ. Имянно для сего вознамѣрился онъ путешествовать. Цѣль его состояла въ томъ, чтобы повсюду разсмотрѣть физическое и нравственное состояніе земли, изучиться законамъ и конституціи каждой изъ нихъ; познакомиться съ учеными людьми, писателями, славными художниками; а особливо опыскивать нѣхъ рѣдкихъ и необыкновенныхъ людей, коихъ знакомство замѣняеиногда многіе годы наблюдений и изысканій.

Съ симъ-то намѣреніемъ отправился онъ сперва въ Вѣну, откуда проѣхалъ онъ осмопрѣть Венгрію, Изъ Нѣмецкой земли переѣхалъ онъ въ Италію; былъ въ Венеціи, въ Римѣ, и во всѣхъ мѣстахъ сея любопытныя страны. Осмотрѣвъ послѣ Швейцарію, Нидерланды и Англію, гдѣ прожилъ онъ два года, наконецъ возвратился онъ въ свое отечество. Какъ онъ ничего не разсматривалъ съ восхищеніемъ предубѣжденнаго челоѣка, ни съ строгостію Цицика, то путешествія его не вселили въ него оскорбительнаго презрѣнія ни къ чужестранцамъ, ни къ собственнй своей землѣ. Изъ наблюдений своихъ онъ вывелъ по слѣдствію, что по Германіи хорошо путешествовать, въ Италіи пребыть нѣсколько, въ Англіи размышлять, а во Франціи жить.